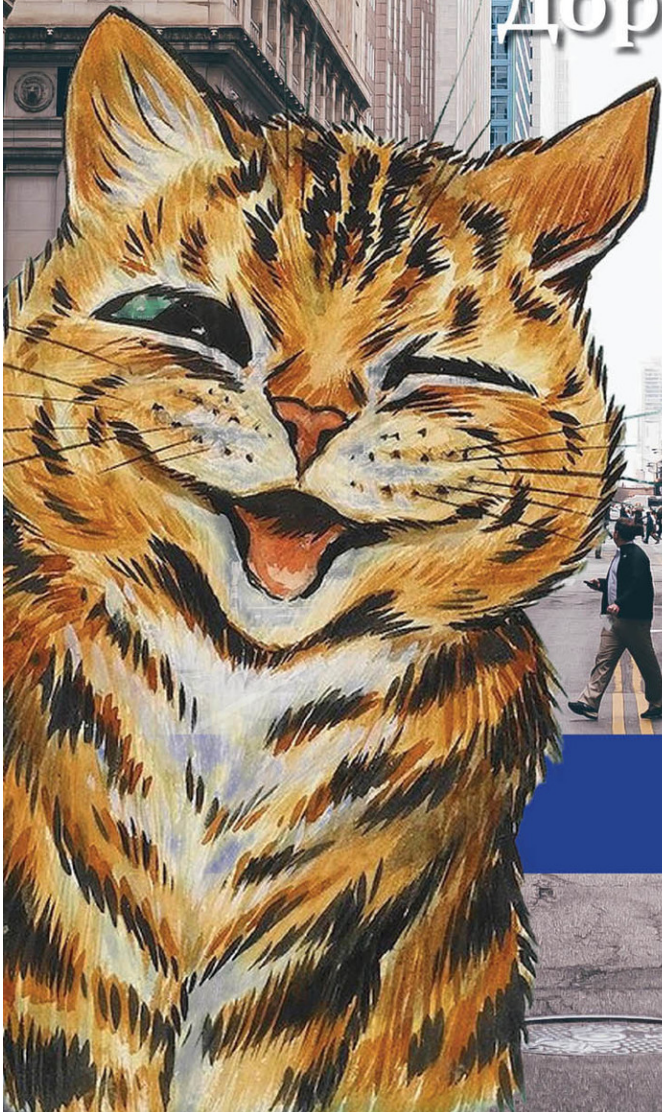

Владимир Кунин

Кыся в Голливуде.
Дорога к «звездам»

ФТМ

Кыся

Владимир Кунин
**Кыся в Голливуде.
Дорога к «звездам»**

«ФТМ»

1998

Кунин В. В.

Кыся в Голливуде. Дорога к «звездам» / В. В. Кунин — «ФТМ»,
1998 — (Кыся)

ISBN 5-17-016896-9

Знаменитый кот Мартын, более известный как Кыся, продолжает свои приключения в Америке. На этот раз им заинтересовались голливудские кинопродюсеры – кинокомпания «Парамаунт» приступила к съемкам фильма «Суперкот» с Мартыном в главной роли! Но не все так гладко – голливудская история начинается с трупы в самолете...

ISBN 5-17-016896-9

© Кунин В. В., 1998

© ФТМ, 1998

Владимир Кунин

Кыся в Голливуде. Дорога к «звездам»

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Давай договоримся, Господи, я верю в тебя, Ты – в меня.
М. Дымов. «Дети пишут Богу»

ТРУП, с которого, по существу, началась наша голливудско-калифорнийская история, вел себя очень шумно. Пока был жив.

А живым мы наблюдали Его (и даже немного общались...) часа три. С момента вылета из Нью-Йорка в Лос-Анджелес и до той самой секунды, когда я обнаружил, что этот Тип МЕРТВЕЕ МЕРТВОГО.

То есть как только на высоте тридцать пять тысяч футов со скоростью почти шестьсот миль в час этот Тип стал Трупом, мы с ним сразу же перестали общаться!

Зато стоило Ему, как выразился Тимурчик, «откинуть коньки» и стать ТРУПОМ, весь экипаж нашего «боинга» стал оказывать ему столько внимания, сколько ему явно не хватало при жизни! А уж как он кочевряжился, как выдючивался перед смертью, стараясь обратить всеобщее внимание на то, что летит он первым классом и галстук у него от Диора, а пиджак от Кардена, а штаны от Версачи, а рубашка от Лагерфельда, а на левой руке у него «Ролекс», а на правой, на мизинце, – золотой перстень с бриллиантом, величиной с автомобильную фару!..

И коньяк он хотел пить только «Реми Мартен», а виски не моложе двенадцатилетнего возраста!..

Но странен он был совсем не этим. И уж, во всяком случае, не своим вполне пристойным английским языком, хотя и с изрядной долей русского акцента. Даже не тем потно-парфюмерным облаком, которое струилось у него из-под его подмышек, от его ног, а чем-то неуловимо ФАЛЬШИВЫМ, ОПАСНЫМ, НЕПОНЯТНЫМ, от чего у меня шерсть на загривке сама по себе становилась дыбом, а кончик моего хвоста начинал нервно барабанить совершенно самостоятельно, не подчиняясь никаким моим успокоительным командам.

Это тревожное НЕПОНИМАНИЕ продолжалось до тех пор, пока Джек Пински, летевший с нами в Лос-Анджелес, не то подумал, не то тихонько сказал:

– Какая-то уж слишком откровенная карикатура. Будто он во всеуслышание хочет заявить: «Смотрите на меня! Я – тот самый „новый русский“ из анекдотов в ваших низкопробных юмористических журнальчиках, из ваших дурацких и бездарных статей о величии российской мафии, из всех ваших полицейско-кретинских служебных „ориентировок“, которыми ваш долбаный Департамент наводняет все полицейские участки в Америке!» Он ведет себя так, будто настойчиво предлагает нам уже известный и привычный стереотип, чтобы мы не заподозрили в нем КОГО-НИБУДЬ ДРУГОГО...

Я так и не врубился – это Джек вслух сказал или я прочитал его мысли? Так я был вздрючен: все ждал чего-то непоправимого!

Зато сразу вдруг тоже понял, что этот Тип совсем не тот Человек, каким он хотел казаться. Из его поведения действительно пер такой фальшак – ну просто не приведи господь!..

И еще одно подтверждение моим и Джековым мыслям: этот Тип буквально не выпускал из рук одну русскую книжку, которую я очень даже хорошо знал от Шуры. Еще с ленинградских времен. Я эту книжку в лицо узнал...

Можно так сказать про книжку? Или нужно говорить – «узнал ее в обложку»?..

В Ленинграде, когда вечерами у нас по каким-нибудь причинам не было в квартире разных профурсеток или Шуриных «гениальных» собутыльников, Шура мне иногда вслух читал то, что он очень уж любит, или то, чем он уж очень возмущается.

Так вот, эту книжку он жутко любил. Называлась она «Николаевская Россия 1839 года». И написал ее, как сейчас помню, – маркиз (или «Маркиз» с большой буквы?..) Астольф де Кюстин. И написал ее черт знает еще когда!..

И Тип из нашего «боинга» эту маркизову книжку не оставлял ни на секунду. Кейс валялся у него под креслом, а с «маркизом» он даже в уборную ходил.

Хотя я в этом ничего плохого не вижу. Мой Шура обычно сидел на горшке только с книгой. И в ванной, когда отмокал после очередной пьянки или нашествия поблядушек, тоже читал. Прямо в воде. Так вот, я отлично помню, как Шура не раз говорил, что эта самая «маркизова» книга – исключительно для Людей интеллектуальных и высокообразованных. Ни одному «Жлобу с Деревянной Мордой», говорил Шура, эта книга интересной быть не может.

А перед нами выкамаривался именно тот самый Жлоб! Но в редкие минуты, когда он уставал выдрочиваться, он читал эту книгу.

И даю вам честное слово – читал ее очень даже осмысленно! Моим Котовым невооруженным глазом было видно, что читает он ее с удовольствием, иронически, внимательно и даже делает какие-то пометки карандашиком.

Но, отдохнув, он вспоминал ту жлобскую роль «нового русского», которую почему-то был вынужден играть, вызывал стюардессу и снова начинал свой вонючий спектакль – с хамоватыми заигрываниями и придирчивым разглядыванием этикетки на бутылке с виски, с презрительно оттопыренной губой и расплатой не обычной в Америке кредитной карточкой, а наличняком – из толщенной долларовой пачки.

Еще мы все трое – Джек, Тимурчик и я – просекли, что такое «представление» Жлоб начинал устраивать сразу же, как только в наш первый класс заглядывал или заходил народ из «туристских» салонов – посмотреть на меня и попросить автограф. За последнее время Тимурчик очень набил руку на «моих» автографах – от моего имени раздавал специально изготовленные рекламные фото. Дело в том, что с момента подписания моего контракта с «Парамаунтом» чуть ли не все американские газеты и несколько телевизионных программ считали своим долгом донести до своих Читателей и Зрителей эту потрясающую новость. Вранья было – лопатой не разгрести! Чем, естественно, взвинтили интерес простого Люда к моей уже, слава богу, меркнувшей популярности.

Я раскокетничался и не покривил душой: сладость популярности обманчива, как Кошка-потаскуха. Популярность лишает тебя и твоих близких элементарной свободы и накладывает на вашу жизнь столько обременительных ограничений, что хочется послать ко всем чертям то мгновение, когда эта популярность возникла!..

...Когда мы набрали нужную высоту и нас накормили вполне приличным завтраком (в это время Жлоб с бриллиантом, де Кюстином и «Ролексом» особенно выкамаривал!), то Командир нашего «боинга» радостно сообщил по радио, что сегодня девятнадцати пассажирам первого класса, шестидесяти семи пассажирам бизнес-класса и почти тремстам из стандарт-класса дико повезло! В первом классе летит герой газетно-телевизионных репортажей, ближайший друг Первого Кота Америки Сокса и семьи Президента Соединенных Штатов – знаменитый международный Кот «Мартин-Кисья», в сопровождении личного переводчика мистера Тимоти Истлейка и опекуна-телохранителя – мистера Джека Пински!

Тут народ и попер в наш первый класс. Чем вызвал сильное недовольство Джека.

От всей этой кутерьмы мне безумно захотелось забраться в свой рюкзак, в котором Тимурчик меня таскает на большие расстояния. Тем более что рюкзак, мое надежное убежище с первого дня моего пребывания в Америке, лежал совсем рядом.

Но делать этого было нельзя. Во-первых, такие «пряталки» запрещал «Меморандум о соглашении», или, попросту говоря, контракт со студией «Парамаунт», а во-вторых, неизвестно, что потом насочиняла бы по этому поводу разная блядская пресса!..

От греха подальше Джек пересадил меня к окну, сам сел к проходу, а Тимурчик тем временем раздавал мои фотографии на фоне Белого дома с отпечатком моей правой передней лапы.

История этой идиотской фотографии такова: агентская компания, заключившая с нами контракт на ведение моих дел со студией «Парамаунт», заказала двадцать тысяч таких рекламных фото. Конечно, это была абсолютная липа! Никто никогда на фоне Белого дома меня не снимал, никому и никогда я не давал отпечатка своей лапы. Как нам с Тимурчиком объяснили Рут и Шура – Белый дом был сфотографирован отдельно, я – отдельно, потом все это совместили, впечатали туда чью-то Кошачью лапу примерно моего размера и всю эту херню Собачью отшлепали жутким тиражом...

А в контракте моего «ассистента и переводчика» Тимурчика Истлейка, в параграфе «Побочные обязанности» стоял пункт, по которому Тим, при необходимости, был обязан бесплатно раздавать направо и налево эти дурацкие фото с целью «популяризации личности Исполнителя главной роли – мистера Мартына-Кыси Плоткина-Истлейк фон Тифенбаха».

Вот Тимурчик сейчас и выполнял этот пункт договора. Небольшого роста, квадратненький Джек заботливо прикрывал меня своими широченными плечами и на корню пресекал любые попытки моих поклонников погладить меня, чем-нибудь угостить или просто пожать мне лапу.

Я же, как «умная Маша», быстренько прилизался, привел себя в порядок и теперь, сидя в кресле, изо всех сил старался придать своей хамской, исполосованной шрамами, дворовой и непородистой роже максимально приветливое и культурненькое выражение. Однако когда я неожиданно приподнял заднюю лапу, чтобы почесать у себя за рваным ухом, одна пожилая дама, несколько дольше, чем нужно, задержала свой глаз на внезапно открывшихся моих больших и мохнатых яйцах (а как ИХ иначе назовешь?..), потрясенно всплеснула руками и, не в силах оторваться от этого зрелища, испуганно сказала:

– Боже!.. Как он похож на моего покойного мужа!

«В таком случае, старая жопа, когда-то тебе сказочно повезло!» – нескромно подумал я...

...и тут наш Тимур заржал, как сумасшедший.

А за Тимурчиком захохотали все.

Но я-то знал, что Людей развеселила фраза этой искренней пожилой дамы, а Тимурчика рассмешило то, что подумал я. Он мои мысли теперь читает запросто! Я ни по-Животному, ни по-шелдрейсовски еще и пасть не разину – только подумаю, а Тимурчик тут как тут. Сечет – с полуслова... Вернее, с полумысли. Такой талантливый Коте... Тьфу, черт! Ребенок... Я таких в жизни не встречал!..

– Ты можешь не задирать лапы и вести себя пристойно? – вполборота ко мне тихо пропел Джек.

– Могу, – ответил я ему по-шелдрейсовски, перестал чесаться и принял сдержанно-горделивую позу Генерального секретаря ООН, предотвратившего войну Америки с Ираком.

– Что-о-о?! – Джек резко повернулся, выкатив на меня ошалевшие глаза.

Ему показалось, что это не КОТ ЗАГОВОРИЛ, а у него – сержанта нью-йоркской полиции, детектива Джека Пински – ПОЕХАЛА КРЫША...

– Все в порядке, Джек, – быстро и тихо сказал ему Тимур. – Ты скоро привыкнешь. Мы тебе потом все объясним. Нужно только хотеть понять друг друга. Это очень просто...

И тут же в толпу желающих поглазеть на «Международного Кота»:
– Да-да! Пожалуйста, сэр... Держите, мэ!.. И для вашей внучки тоже... Леди и джентльмены! Не волнуйтесь, у нас достаточно таких фотографий – хватит абсолютно всем!

Спустя час, когда у наших кресел побывало большинство пассажиров «боинга», рекламная сумятица улеглась, и мы хоть чуть-чуть, но смогли расслабиться.

Тимур взялся негромко рассказывать Джеку о знаменитом английском биологе профессоре Ричарде Шелдрейсе, доказавшем возможность телепатического контакта между Человеком и Животным, а я решил слегка размяться и побродить по нашему салону.

Не знаю почему, но неясная тревога не покидала меня ни на секунду. Сначала я подумал, что это продолжение того нервного вздрюча от жлобских выходов нашего соседа – фальшивого «нового русского», тщательно увешанного всей «ново-русско-бандитской» атрибутикой – от непомерного перстня с бриллиантом до толстой золотой цепи с крестом поверх галстука от Диора.

Вот только «Маркиз де Кюстин» никак не вписывался в законченный хрестоматийный портрет нашего соседа, что и навело нас всех на мысль, что все его выходы – тщательно продуманный балаган!..

Я спрыгнул на пол, аккуратненько просквозил под широкими и удобными креслами, вылез в проход, отставил как можно дальше задние лапы, прогнул спину, потянулся и неторопливо, как ни в чем не бывало, прямехонько попер к креслу любителя двенадцатилетнего виски и истории государства Российского в изложении, как говорил Шура Плоткин, «остроумно-желчного французского путешественника».

Видать, этот Тип притомился демонстрировать свою принадлежность к крутому российскому клану «братков» и сейчас дрых в своем кресле, чуть ли не с головой прикрывшись самолетным пледом. Мне ужасно захотелось увидеть его СПЯЩИМ!

Лицо уснувшего Человека всегда открывает мне то, что этот Человек (вольно или невольно) пытается утаить или приумножить во время своего бодрствования. Кстати, это же касается и Животных.

С живого спящего существа снимается груз сознания. Происходит высвобождение внутренних Светлых Сил, в никуда уходят Силы Темные, и спящее существо переходит в некую младенческую формацию, совершенно не обремененную и не изгаженную Опытom Прожитого Времени...

Наверное, пословица, кажущаяся на первый взгляд дурацкой: «Хорош, пока спит», имела полное право на возникновение!

Вот мне и захотелось увидеть СПЯЩЕЕ лицо этого нашего Жлоба от Диора, Кардена и Версачи...

Край пледа с вензелями авиакомпании «Юнайтед», которым он был укрыт, свисал до полу. И мне не составило труда зацепить его когтями передней лапы и осторожно потянуть вниз. Наплевать... Даже если кто-нибудь и заметит – какой спрос с Кота? «Играет Котик», – скажут. И все. Как говорится – преимущество в безответственности.

Я и потянул.

Плед сполз с его головы и...

О господи!!! Боже мой!.. Черт меня подери, бля!!! Ну как тут не ахнуть залпом из всего арсенала русского матерного?!

Надо было мне лезть со своими ничтожными доморощенными теориейками о спящих существах!..

НЕ БЫЛ ОН НИКАКИМ СПЯЩИМ!!!

ОН БЫЛ УЖ-Ж-Ж-ЖАСНО МЕРТВЫЙ!..

Синюшное лицо искажено мучительной предсмертной гримасой, полуоткрытые тусклые МЕРТВЫЕ глаза, из уголка синего МЕРТВОГО рта по подбородку протянулась подсохшая дорожка черной крови...

Я заметался, словно мне зажженную сигарету под хвост сунули, запутался когтями в пледе, и, в панике выдергивая когти из мягкой ворсистой ткани, вовсе стянул с НЕГО этот плед...

И мне, офонаревшему от ужаса, открылись ЕГО руки – сведенные мгновенной судорогой, со скрюченными пальцами, и дикий, невероятный изгиб шеи...

Я не очень-то чувствительный Кот. Вы знаете. И раненых видел, и убитых. И сам участвовал во всяком – бывал и ранен, а бывало – и убивал...

Но в борьбе, в бою! За свою или за чью-нибудь ЖИЗНЬ!..

А здесь... Вот просто так.

Ну куражился Человек, ну, пижонил... Ну, что-то темнил. Но это же был только что ЖИВОЙ ЧЕЛОВЕК!

Елки-палки, еще счастье, что рядом с ним никто не сидит, ни с кем не надо объясняться.

Я еле выпростал свои когти из ЕГО плед и рванул под креслами прямиком в наш ряд. Вспрыгнул между Тимуром и Джеком и в истерическом перепуге выложил им все, что увидел несколько секунд тому назад.

То ли я был в таком психическом настрое, то ли Джек оказался фантастически способным, но ему даже не потребовался Тимуркин перевод с шелдрейсовского на английский. Джек и сам понял меня превосходно и коротко приказал нам с Тимуром:

– Сидеть!

Достал откуда-то из далекого загашника свой полицейский жетон, переложил его в карман куртки и встал из кресла. И как ни в чем не бывало с понтом пошел в туалет. Что было очень мудро – ТОТ ТРУП сидел в последнем ряду салона, за стенкой которого прямо-таки находилась уборная.

От пережитого и увиденного меня трясло как в лихорадке. Я забрался на колени к Тимурчику, судорожно вцепился когтями в его джинсовую жилеточку и прижался к нему всем телом. А он притиснул меня к себе, и я услышал, как быстро и гулко бьется его сердечко.

Мы незаметно огляделись – не следит ли кто за нами – и повернули свои головы назад – посмотреть, что делает Джек.

А Джек, с доброй улыбкой милого дядюшки, по пути в туалет бросил взгляд на синий ТРУП того ТИПА, заботливо прикрыл его с головой пледом и пошел дальше, мимо уборной, в комнатку, где кучковались стюардессы.

Уже через секунду стюардесса и Джек прошли мимо нас прямо туда, откуда время от времени выходили летчики и шли в туалет писать. А потом опять мимо нас возвращались к себе в кабину, чтобы продолжать лететь вместе с нами в Лос-Анджелес...

Я пристально посмотрел на закрывшуюся за Джеком дверь и увидел, как он в кабине пилотов снова показывает свой полицейский значок и что-то говорит.

Что, я не слышал. Вокруг Джека была куча всяких разных приборов, кабина была буквально забита Электрической и Человечьей Энергией, и это очень мешало мне слышать разговор Джека с командиром «боинга».

– Как ты думаешь, Мартынчик, это ОН сам себя? – еле слышно спросил меня Тимур.

– Нет. Не думаю...

– Значит, замочили фраера, – по-русски сказал Тимурчик и еще сильнее прижал меня к себе, будто пытался от чего то уберечь.

А вот теперь, пока Джек, как мне все-таки удалось понять сквозь толщу стен и дверей, отделяющих кабину пилотов от нашего салона, связывается по радио с полицией Лос-Анджелеса, я воспользуюсь паузой и наконец расскажу о том, как полицейский детектив Джек Пин-

ски, служащий Нью-Йорк полис департамент, попал в состав киносъёмочной группы фильма «Суперкот» производства «Парамаунт пикчерз корпорейшн»...

Два месяца тому назад, вечером, во время очередных (как сказал Шура – «совершенно ленинградско-московских») посиделок на нашей огромной новой кухне в Нью-Йорке Рут сказала Джеку:

– Джек! Мне тут звонили из Вашингтона по поручению Сокса. Один парень из Службы безопасности. Поздравлял Шуру с выходом книжки, приветы Тиму, просил обнять Кысю... Ну и так далее. А потом спросил – не знаю ли я в Нью-Йорке такого детектива Джека Пински? Тоже, кажется, работает в Квинсе. Как ты понимаешь, я могла только рассмеяться!

– Что за парень? – спросил Джек, прихлебывая виски.

– Прежде чем назвать его имя, он просил узнать у тебя – помнишь ли ты... погоди! Тим, сынок! Сбегай к Шуру в кабинет. Там на столе я оставила такую желтую бумажку... Принеси ее.

– Захвати и экземпляр моей книжки, – по-русски попросил Шура. – Сейчас мы ее всей семьей подарим Джеку!

Тимурчик принес из кабинета и желтую бумажку, и книгу А. Плоткина, только что вышедшую в Нью-Йорке.

Шура тут же подписал Джеку книжку на своем чудовищном английском, а Рут посмотрела в бумажку и сказала:

– Так вот, этот парень хотел узнать – помнишь ли ты, Джек, «болота Камау»?

– Помню. Это самое отвратительное место в самой южной оконечности Вьетнама, – ничего не выражающим голосом равнодушно ответил Джек и спросил без всякого интереса: – А что за парень? Там тогда было много парней.

– Угадай! – рассмеялась Рут. – Он сказал, что ты его там еще откуда-то вытащил...

– А-а. Тогда это – Ларри Браун.

– Правильно! – Рут приветственно подняла свой стакан с джином.

– Точно! – воскликнул Тимур. – А откуда ты его вытащил, Джек?

– Не помню, Тим. Наверное, из какого-нибудь дерьма, куда он постоянно вляпывался из-за своей необузданной храбрости идиота.

Вот тут я не выдержал! При всем моем уважении к Джеку – я должен был вступить за Ларри. Я вообще не перевариваю, когда о ком-то, кого я успел полюбить, говорят пренебрежительно.

– Ларри – классный мужик! И очень умный!!! Рут! Тим!.. Сейчас же переведите это Джеку! – заявил я тоном, не терпящим возражений. Что по-шеллдрейсовски невероятно трудно.

Рут и Тим послушно повторили все это по-английски Джеку. Джек подлил себе виски в толстый стакан, добавил льда и совершенно спокойно сказал:

– Я расстался с ним в семьдесят третьем году. Нам тогда было по двадцать. Он никогда и не был глупцом в буквальном смысле этого слова. Но драки, как и любое дело, выигрываются совокупностью взвешенных решений, а не припадками истерической смелости. Судя по тому, что он до сих пор жив, он сильно поумнел за эти годы. Ты говоришь, что он в Службе безопасности Белого дома?

– Да! И по-шеллдрейсовски говорит без малейшего акцента! – вызывающе сказал я, забыв, что Джеку меня не понять.

– Да, Ларри работает в Белом доме, – подтвердила Рут. – Он много раз звонил нам, когда Кыся ошивался в Вашингтоне.

– Кстати, это мистер Браун привез Мартына в Нью-Йорк на президентском вертолете, – гордо сказал Тимур Джеку.

– В вертолете мы с ним даже выпили! – с удовольствием вспомнил я.

– Дело прошлое, но ты, Мартын, тогда надрался как свинья! – фарисейски заметил Шура.

– Я снимал стресс перед встречей с тобой! – огрызнулся я.

– Но не до такой же степени, Мартышка...

Вот когда я вконец возмутился! Может быть, и не следовало, но тут я снова сорвался.

– Да как же тебе не совестно, Шурик?! – заорал я. – Ты же сам всю жизнь втолковывал, что «нет в мире больших ханжей, чем бывшие бляди и алкоголики!»! А сейчас...

И осекся. Увидел, как Тимурчик втихаря зажимает рот двумя руками, чтобы не разоржаться вслух. Неохота было при Ребенке продолжать всякие Взрослые разборки.

А тут еще и Рут на нас цыкнула:

– Сейчас же прекратите ссориться! Или вы хотите, чтобы я перевела это Джеку?! Заткнитесь немедленно!

Мы с Шурой немедленно поджали хвосты и заткнулись. Я вообще заметил, что Шуре, да и мне (чего греха таить?) ужасно приятно слушаться Рут Истлейк!

Весь этот вечер меня не покидало ощущение, что именно сегодня Джек Пински был приглашен в наш дом не случайно.

Вернее, не так, как всегда – поужинать, треснуть по стаканчику с Шурой, посплетничать и потрепаться с Рут об их общем полицейском житье-бытье, послушать рассказы моего Шуры про Россию (в переводе Тимурчика) и как можно позднее уехать от нас в свою холостяцкую квартирку на Квинс-бульваре.

Я догадывался, что когда-то, когда был жив еще Фред Истлейк – первый муж Рут, Джек был до смерти влюблен в Рут и продолжал быть влюбленным в нее еще очень и очень долго...

Со временем неостребованность его любви, наверное, слегка притупила остроту чувств Джека. Он начал думать о Рут как о чем-то недостижимом и нереальном, сумев сохранить поразительно спокойные и приятельские отношения со вдовой своего покойного сослуживца.

Теперь же, когда сержант полиции, а потом и лейтенант Рут Истлейк вдруг без памяти полюбила русского эмигранта журналиста Шуру Плоткина, да еще и вышла за него замуж, в сердце Джека остались лишь чуть горьковатые, но удивительно теплые воспоминания о своей давней влюбленности в Рут.

И меня, и моего Шуру Джек принял как некую неоспоримую часть существования Рут. Не говоря уже о Тимуре, к которому относился как к равному – без сюсюканья и излишней болтовни, сухо и сдержанно, но...

...но я был свято убежден (даю хвост на отруб!..), что если в защиту Тимура детективу Джеку Пински пришлось бы в кого-нибудь разрядить всю обойму своего пистолета – он это сделал бы не задумываясь!..

– Джек! – нервно и решительно сказала Рут, когда Тимур ушел спать и мы остались четвером. – Послушай, Джек...

Неожиданно решительность покинула Рут, и она увядшим голосом спросила:

– Ты закончил разматывать то убийство в отеле с наркотой и китайцами?

– Да. Вчера отправил материалы в прокуратуру. Пусть теперь они ковыряются в этом дерьме... Ты о чем-то хотела попросить меня, Рут? Ты так ждала, когда Тим уйдет в свою комнату...

– О Джек!.. – облегченно простонала Рут. – Все сыщики мира от Ната Пинкертон до Эркюля Пуаро должны служить у тебя в счастливых учениках мелкими клерками! У тебя интуиция, как... как у Кыси! Прости за сравнение, но поверь – это высшая оценка твоему немеркнушему таланту, – добавила Рут.

«Ну, это уж слишком сильно сказано, – подумал я. – Интуиция Котов на две головы выше Человечьей. Даже такого профессионала, как тот же самый Джек Пински...»

Мы как-то все были на полицейском междусобойчике по случаю дня рождения Джека, так про него там такие слова говорили, что после этого оставалось лишь поставить Джеку золотой памятник в центре Нью-Йорка...

– Шура, ты понимаешь, о чем мы говорим? – спросил Джек.

Шура вдохнул и, не выдыхая, медленно ответил по-английски:

– Минимум – пятьдесят процентов, максимум – семьдесят пять. Остальное я досочиню.

И тут же спросил меня по-шелдрейсовски:

– Я все правильно ответил?

Ни хрена не поняв про цифры и проценты, я искренне восхитился:

– Шикарно, Шурик!.. Работай над произношением, и все будет о'кей!

Джек этого, конечно, не заметил и сказал Рут:

– Тогда, подруга, давай упростим разговор до уровня доклада на «оперативке» у нашего начальника «убойного отдела». Он у нас полный болван и в отличие от Шуры понимает всего восемь процентов из того, что мы ему говорим. Хотя английский – его родной язык... Давай, Рут, – кратко, только суть, минус малозначащие детали и эмоции. Шура! Если что-нибудь не поймешь – переспрашивай.

– О'кей! – сказал Шура.

Я почувствовал, как Рут опять нервно вздрючилась, закурила сигарету, отхлебнула своего джинчика с ледиком и сказала:

– Итак: Мартын приглашен на главную роль в фильме, который будет делать «Парамаунт». Киностудия находится в Лос-Анджелесе, в Калифорнии. Вместе с ним туда на весь съемочный период должен лететь и Тим. Как «ассистент и переводчик»...

– Стоп! – сказал Джек. – Все ясно. Шура не может их сопровождать – он потеряет работу в библиотеке. Ты у нас теперь лейтенант и ба-а-альшой начальник над всеми бухарскими, польскими, русскими, венгерскими и румынскими евреями Квинса. И по этой причине...

– Нет, Джек, – грустно прервала его Рут. – Не по этой. Просто через два месяца, когда им нужно будет вылетать в Лос-Анджелес, я буду вынуждена лечь в госпиталь на сохранение беременности.

Повисла тяжелая душная пауза...

Я даже встал на все четыре лапы, и усы у меня, кажется, зазвенели от напряжения. И хвост вытянулся в линейку и стал жестким, как палка от корабельной швабры!

Джек допил свое виски, почесал нос и спросил:

– Когда, ты сказала, мы должны вылетать?..

Сначала Джек посчитал, что возьмет три недели очередного отпуска и прибавит к ним еще десять дней за свой счет, а потом придумает что-нибудь еще.

Но все произошло совершенно иначе.

В Германии я часто слышал такую шуточку: «Самый важный для жизни Человека витамин – это витамин Б». То есть «Бециунг». Что по-немецки – «связи». По-нашему – «блат».

Так вот, в идею Джека сопровождать нас с Тимуром в Калифорнию была сделана невероятной силы инъекция этого витамина Б!

Автором и организатором инъекции в идею Джека был, конечно же, Ларри Браун! Его приятель давних лет, которого он не видел с момента окончания войны во Вьетнаме...

Ларри все рассказал Соксу. А Сокс к тому времени находился в дикой депрессии! В Белый дом самим Президентом Клинтоном был введен абсолютный дурачок – Щенок Лабрадора, и, естественно, взрослый и привычно примелькавшийся Сокс отошел на второй план. Под Первым Правительственным Котом Америки пошатнулся трон, и Сокс не мог этого не почувствовать. Случалось, что Президент, забыв о Соксе, собственноручно выгуливал этого

Щенка и называл его всеми теми ласковыми словами, которые еще совсем недавно были обращены только к Соксу...

Для того чтобы хоть как-то напомнить Президенту о своем существовании, Сокс пошел ва-банк!

Я понятия не имею, что такое «ходить ва-банк», но знаю, что это вроде нашего русского – «или пан, или пропал».

Короче, Сокс и Ларри отловили Президента как раз в тот момент, когда этот неученый Щен-Лабрадор держал Президента на поводке, а сам, широко расставив свои толстые неуклюжие задние лапы, гадил на одно из следящих устройств Службы безопасности, вмонтированное точнехонько под тем деревом, где когда-то с моей, как говорится, «легкой лапы» Первый Кот Америки Сокс лишился своей половой невинности на приبلудной блядовитой Кошке Зяме.

Обнаружив Президента и Щена за этим неаппетитным занятием, Ларри и Сокс заявили мистеру Клинтону открытым текстом...

Что они там заявили Президенту – я точно не знаю. Знаю лишь, что уже к концу недели Джек Пински был вызван к Директору N.Y.P.D. – «Нью-Йорк полис департамент» и получил строжайшее распоряжение сопровождать в качестве «опекуна-телохранителя» Кота Мартына-Кысю Плоткина-Истлейк фон Тифенбаха и его ассистента-переводчика мистера Тимоти Истлейка во всех их передвижениях на все время их занятости в съемках фильма «Суперкот»!

За время этой командировки детективу криминальной полиции сержанту Джеку Пински будет сохраняться его должностной оклад и производиться оплата сверхурочных часов работы.

Со своей стороны, «Парамаунт пикчерз корпорейшн» включает м-ра Д. Пински в «Меморандум о соглашении» с понедельной ставкой в 750 долларов и суточными в размере 200 долларов в день.

За несколько дней до нашего вылета в Калифорнию и необходимости Рут лечь в госпиталь на одни сутки из Вашингтона на своей машине в Нью-Йорк примчался Ларри с...

С кем бы вы думали?! Правильно! С Соксом!!!

В нашем доме была устроена грандиозная поддача, где все пили, кто чего хотел, и закусывали осетриной горячего копчения из русского магазина миссис Доры Мархасевой.

Мы с Соксом (спасибо Тимурчику!..) тоже врезали по стопарику разбавленной валерьянки. Сокс с непривычки забухел и стал плакать горячими слезами, что, дескать, Щен-Лабрадор совершенно заполнил сердца президентской семьи, и теперь он, Сокс, оказался «позабыт, позаброшен...», и Он будет не Он, если...

Тут Сокс стал ругаться достаточно однообразным американским матом, словно герои фильмов Квентина Тарантино... А тут еще Челси Клинтон не вовремя улетела на учебу в какой-то Калифорнийский университет, и если бы не Ларри Браун, к которому Сокс очень привязан, то в дальнейшем продолжении своей жизни в Белом доме Сокс не видит ни малейшего смысла...

Естественно, что я тут же предложил Соксу наш нью-йоркский приют, сказав, что «наш дом – это его дом» и мы с Тимуром будем только рады... Ну и так далее. Все, что обычно говорят в таких случаях.

Пьяный Сокс полез обниматься, лизать меня в нос и время от времени вскрикивать: «Ты меня уважаешь?.. Я прав?! Я прав?!»

Тут я понял, что Сокса пора выводить на природу. На свежий воздух. И вывел его в наш двор, где сначала он немножко очухался, а потом раздухарился до того, что мы с ним и тремя малознакомыми Кошками под старым автомобилем мистера Могилевского устроили такую групповуху, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

...Наутро Сокс и Ларри уехали в Вашингтон, а мы – Тимурчик, Джек и Я – спустя еще неделю уложили Рут в госпиталь под присмотр Шуры и улетели в Калифорнию.

Тем более что, как выяснилось, у Джека там в Лос-Анджелесе жил старший брат – доктор Мортон Пински...

– ...Значит, замочили фраера, – по-русски прошептал мне на ухо Тимурчик и еще сильнее прижал меня к себе.

А я вдруг увидел сквозь стенки, как в пилотской кабине из левого кресла встал худенький летчик – наверное, ровесник Джека. Он был в белой рубашке с короткими рукавами и в галстуке. Я даже эмблему компании «Юнайтед» на галстуке разглядел.

Он что-то сказал остальным летчикам, надел свой красивый синий форменный пиджачок и застегнул его на все пуговицы. Подтянул галстук потуже, и пошли они с Джеком к дверям...

– Идут! – шепнул я.

– КТО? – неожиданно испугался Тимур.

– Джек и летчик. Ты чего перетрусил? Ты мертвых боишься, да?

Тимур промолчал. Только тоскливо отвернулся к окошку.

– Бояться нужно живых, Тимурчик. А не мертвых... – сказал я слышанную когда-то фразу...

И вдруг сам ощутил всю меру фальши этого пошлого псевдозначительного утверждения! Подхватил его в каком-то паршивом телевизионном фильме и высказался – мудака хвостатый.

Я часто пользуюсь ЧУЖИМИ словами, фразами, оборотами речи. Но у меня почти никогда не бывает значительных проколов. Всегда, как говорится, «в жилу». А тут!..

Ляпнул, дубина, от фонаря! И КОМУ?!

Человечку, который девяти лет от роду взял в руки пистолет Макарова и в упор расстрелял того пьяного монстра, ту гнусную скотину – своего насильника...

...ребенку, прошедшему весь кошмар российской тюремной колонии для малолетних преступников...

...маленькому Мальчику, всего лишь три года тому назад купленному за пятнадцать тысяч долларов у подмосковных властей и усыновленному полушведской-полунегритянской американкой – сержантом нью-йоркской полиции...

...двенадцатилетнему Гражданину Соединенных Штатов, который всего за три года, рядом со своей новой мамой – потрясной женщиной Рут Истлейк, сумел стать отважным и стопроцентным АМЕРИКАНЦЕМ. Не растеряв по дороге ничего РУССКОГО!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.